

Из книги Ю.М. Лотмана «Пушкин. Биография писателя».

Годы юности

Пушкин родился 26 мая 1799 г. в Москве в доме Скворцова на Немецкой улице в семье отставного майора, чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны (урожденной Ганнибал). Кроме него в семье были старшая сестра Ольга и три младших брата. Пушкины были родовиты. В автобиографических заметках Пушкин писал: "Мы ведем род свой от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, как говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во времена княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шеремедины и Товарковы" (XII, 311). Родство со многими фамилиями коренного русского барства делало Пушкиных тесно связанными с миром и бытом той, "допожарной" (т. е. до пожара 1812 г.) Москвы, в которой говорили: "Родство люби счесть и воздай ему честь" - и:

"Кто своего родства не уважает, тот себя самого унижает, а кто родных своих стыдится, тот чрез это сам срамится".

"Родословная матери моей еще любопытнее, - продолжал Пушкин. - Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом (заложником. - Ю. Л.), и отослал его Петру Первому" (XII, 311-312)². К концу XVIII в. Ганнибалы уже тесно переплелись кровными связями с русскими дворянскими родами - породнились с Ржевскими, Бутурлиными, Черкасскими, Пушкиными. Отец и мать поэта были родственники (троюродные брат и сестра).

Пушкины были весьма небогаты. Бесхозяйственные и неумовитые, они всю жизнь находились на грани разорения, в дальнейшем неизменно урезали материальную помощь сыну, а в последние годы его жизни и обременяли поэта своими долгами.

У Сергея Львовича Пушкина барская безалаберность сочеталась с болезненной скупостью. Друг А. С. Пушкина П. А. Вяземский сохранил в своих записках сценку: "Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед проворчал. „Можно ли (сказал Лев) так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?" - „Извините, сударь (с чувством возразил отец), не двадцать, а тридцать пять копеек"³.

Семья принадлежала к образованной части московского общества. Дядя Пушкина Василий Львович Пушкин был известным поэтом, в доме бывали московские литераторы. Еще ребенком Пушкин увидел Карамзина, тогдашнего главу молодой русской литературы, слушал разговоры на литературные темы.

Воспитание детей, которому родители не придавали большого значения, было беспорядочным. Из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка, а в отцовской библиотеке пристрастился к чтению (тоже на французском языке).

Наиболее разительной чертой пушкинского детства следует признать то, как мало и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем. В жизни дворянского ребенка Дом - это целый мир, полный интимной прелести, преданий, сокровенных воспоминаний, нити от которых тянулись на всю дальнейшую жизнь. В воспоминаниях С. Т. Аксакова повествуется, как разлука с родителями и родным домом - его привезли из поместья родителей в казанскую гимназию - обернулась для ребенка недетской трагедией: жизнь вне дома казалась ему решительно невозможной. Детство Л. Н. Толстого не было идиллично (разлад между родителями, долги и легкомыслие отца, его странная смерть), и однако глубоко прочувствованные строки посвятил он в повести "Детство" миру первых воспоминаний, родному дому, матери. Детство Лермонтова было изуродовано тяжелой семейной трагедией, он вырос, не зная подлинной семьи, в обстановке вражды между ближайшими родственниками.

И все же он пронес через всю жизнь поэзию детства и родного Дома:

*Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей*

Образ же Отца - опозитивированный и трагический, вопреки реальным биографическим фактам, - вошел в романтический мир Лермонтова.

Пушкин легко покинул стены родного дома и ни разу в стихах не упомянул ни матери, ни отца. Упоминания же дяди Василия Львовича скоро стали откровенно ироническими. И при этом он не был лишен родственных чувств: брата и сестру он нежно любил всю жизнь, самоотверженно им помогал, сам находясь в стесненных материальных обстоятельствах, неизменно платил безо всякого ропота немалые долги брата Левушки, которые тот делал по-отцовски беспечно и бессовестно переваливал на Пушкина. Да и к родителям он проявлял больше внимания, чем они к нему. Тем более бросается в глаза, что, когда в дальнейшем Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал только Лицей - детство он вычеркнул из своей жизни. Он был человек без детства.

А когда внутреннее развитие подвело Пушкина к идее Дома, поэзии своего угла, то это оказался совсем не тот дом (или не те дома), в которых он проводил дни детства. Домом с большой буквы стал дом в Михайловском, дом предков, с которым поэт лично был связан юношескими воспоминаниями 1817 г. и годами ссылки, а не памятью детства. И под окном этого дома сидела не мать поэта, а его крепостная "мама" Арина Родионовна.

Детство, однако, - слишком важный этап в самосознании человека, чтобы его можно было бы вычеркнуть, ничем не заменив. Заменой мира детства, мира, к которому человек, как правило, обращается всю жизнь как к источнику дорогих воспоминаний, мира, в котором он узнает, что доброта, сочувствие и понимание - норма, а зло и одиночество - уродливое от нее отклонение, для Пушкина стал Лицей. Представление о Лицее как о родном доме, о лицейских учителях как старших, а о лицеистах как товарищах, братьях окончательно оформилось в сознании поэта в середине 1820-х гг., когда реальные лицейские воспоминания уже слились в картину сравнительно далекого прошлого, а гонения, ссылки, клевета, преследовавшие поэта, заставили его искать опору в идиллических воспоминаниях. В 1825 г. он писал:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен -
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село (II, 425).*

Но сложившийся в эти годы в сознании Пушкина идеализированный образ Лицея во многом отличался от документальной реальности.

Лицей был учебным заведением, повторившим в миниатюре судьбу и характер многих реформ и начинаний "дней александровых прекрасного начала": блестящие обещания, широкие замыслы при полной непродуманности общих задач, целей и плана. Размещению и внешнему распорядку нового учебного заведения уделялось много внимания, вопросы формы лицейстов обсуждались самим императором. Однако план преподавания был не продуман, состав профессоров - случаен, большинство из них не отвечало по своей подготовке и педагогическому опыту даже требованиям хорошей гимназии. А Лицей давал выпускникам права окончивших высшее учебное заведение. Не было ясно определено и будущее лицейстов. По первоначальному плану, в Лицее должны были воспитываться также младшие братья Александра I - Николай и Михаил. Мысль эта, вероятно, принадлежала Сперанскому, которому, как и многим передовым людям тех лет, внушало тревогу то, как складывались характеры великих князей, от которых в будущем могла зависеть участь миллионов людей. В Лицее великие князья должны были воспитываться в кругу сверстников, в изоляции от двора. Здесь им были бы внушены представления, более соответствующие их будущему положению, чем "крики, угрозы" и требование "от людей невозможного", склонности к чему они начали проявлять очень рано. Если бы этот план осуществился, Пушкин и Николай I оказались бы школьными товарищами (Николай Павлович был всего на три года старше Пушкина). Соответственно этому же плану, остальные лицейсты предназначались к высокой государственной карьере.

Для Лицея в изменении его статуса была и выгодная сторона: хотя ослабление интереса двора к этому учебному заведению влекло за собой понижение его престижа, а будущее лицейстов перестало рисоваться в первоначальном заманчивом виде, зато вмешательство придворных кругов в жизнь Лицея стало менее заметным.

Лицей помещался в Царском Селе - летней императорской резиденции, во флигеле Екатерининского дворца. Уже само местоположение делало его как бы придворным учебным заведением. Однако, видимо, не без воздействия Сперанского, ненавидевшего придворные круги и стремившегося максимально ограничить их политическую роль в государстве и влияние на императора, первый директор Лицея В. Ф. Малиновский пытался оградить свое учебное заведение от влияния двора путем строгой замкнутости: Лицей изолировали от окружающей жизни, воспитанников выпускали за пределы его стен крайне неохотно и лишь в особых случаях, посещения родственников ограничивались. Лицейская изоляция вызвала в поэзии Пушкина тех лет образы монастыря, иноческой жизни, искушений, которым подвергается монах со стороны

беса. С этим же связано и стремление вырваться из заточения. Поэтическое любование лицейскими годами, как было сказано выше, пришло позднее - во время же пребывания в Лицее господствующим настроением Пушкина было ожидание его окончания. Если в стихах Лицей преобразуется в монастырь, где молодой послушник говорит про себя:

*Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки, -*

то окончание его рисуется как освобождение из заточения:

*Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеши на новоселье,
Оставляю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клубок с веригой -
И прилечу расстригой
В объятия твои (1,43).*

Немногочисленность учащихся, молодость ряда профессоров, гуманный характер их педагогических идей, ориентированный - по крайней мере, у лучшей части их - на внимание и уважение к личности учеников, то, что в Лицее в отличие от других учебных заведений не было телесных наказаний и среди лицеистов поощрялся дух чести и товарищества, наконец, то, что это был первый выпуск - предмет любви и внимания, - все это создавало особую атмосферу. Ряд профессоров не был чужд либеральных идей и в дальнейшем сделался жертвой гонений (Куницын, Галич). Лекции их оказывали благотворное воздействие на слушателей. Так, хотя Пушкин имел весьма невысокие оценки по предметам Куницына, тот факт, что одна из глав его не дошедшего до нас романа "Фатам, или Разум человеческий" называлась "Право естественное", говорит сам за себя: Куницын читал лицеистам "Естественное право" - дисциплину, посвященную изучению "природных" прав отдельной человеческой личности. Само преподавание такого предмета было данью либеральным веяниям, и в дальнейшем он был из программ русских университетов изгнан. Преподаватели, подобные Куницыну, и директор Малиновский действовали, однако, главным образом, не лекциями (Куницын не обладал даром увлекательной речи), а собственным человеческим примером, показывая образцы гордой независимости и "спартанской строгости" личного поведения. Дух независимости, уважения к собственному достоинству культивировался и среди лицеистов. Кроме передовых идей они усваивали определенный тип поведения: отвращение к холопству и раболепному чиновничеству, независимость суждений и поступков. Основное, чем был отмечен Лицей в жизни Пушкина, заключалось в том, что здесь он почувствовал себя Поэтом. В 1830 г. Пушкин писал: "начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени" (XI, 157).

В те дни - во мгле дубровных сводов Близ вод, текущих в тишине,

В углах Лицейских переходов,

Являться Муза стала мне.

Моя студенческая келья,

Доселе чуждая веселья,

Вдруг озарилась - Муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт (VI, 620)

В Лицее процветал культ дружбы. Однако в реальности лицеисты - и это вполне естественно - распались на группы, отношения между которыми порой были весьма конфликтными. Пушкин примыкал к нескольким, но не был безоговорочно принят ни в одну. Так, в Лицее ощущалась сильная тяга к литературным занятиям, которая поощрялась всем стилем преподавания. Выходили рукописные журналы: "Лицейский мудрец", "Неопытное перо", "Для удовольствия и пользы" и др. Поэтическим лидером Лицея, по крайней мере в первые годы, был Илличевский. Можно предположить, что Пушкин ревниво боролся за признание своего поэтического первенства в лицейском кругу. было.

Наиболее тесными были дружеские связи Пушкина с Дельвигом, Пуциным, Малиновским и Кюхельбекером. Это была дружба на всю жизнь, оставившая глубокий след в душе Пушкина. Но и здесь не все было просто. Политические интересы лицеистов зрели, у них складывались сознательные свободолобивые убеждения. Потянулись нити из Лицея к возникшему движению декабристов: Пуцин, Дельвиг, Кюхельбекер и Вольховский вошли в "Священную артель" Александра Муравьева и Ивана Бурцева. Пушкин приглашения участвовать не получил. Более того, друзья скрыли от него свое участие.

В дальнейшем, когда Пушкин смотрел на лицейские годы с высоты прожитых лет, все сглаживалось. Потребность в дружбе "исправляла" память. Именно после разлуки, когда Лицей был за спиной, воспоминания оказались цементом, который с годами все крепче связывал "лицейский круг".

Братство не слабело, а укреплялось. Это видно на одном примере. 9 июня 1817 г. на выпускном акте Лицея был исполнен прощальный гимн Дельвига:

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!
Друг на друге остановите
Вы взор с прощальной слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу, с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде - да, неправде - нет,

В несчастье - гордое терпенье,
И в счастье - всем равно привет!

Лицейсты первого выпуска, конечно, запомнили все стихотворение наизусть, и каждая строка из него звучала для них как пароль. Пушкин в дальнейшем несколько раз пользовался этим стихотворением Дельвига именно как паролем, позволяющим несколькими словами восстановить в сознании лицейских друзей атмосферу их юности. В стихотворении "19 октября" (1825), посвященном лицейской годовщине, Пушкин, обращаясь к моряку-лицейсту Ф. Ф. Матюшкину, находившемуся в кругосветном путешествии, писал:

Ты постирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: "На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!" (II, 425)

Строки:

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас! -

слегка перефразированы Пушкиным, но лицейсты, конечно, их узнавали. Еще более значим другой пример: известные строки из послания "В Сибирь":

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье (III, 49) -

были понятной отсылкой к тому же гимну Дельвига:

В несчастье - гордое терпенье.

Переезд из Царского Села в Петербург, где большинство лицейстов должно было вступить в службу - гражданскую или военную, - элегическая "вечная разлука"; кругосветное путешествие - реальная "долгая разлука"; "в несчастье - гордое терпенье" - поэтическое общее место. "Гордое терпенье" "во глубине сибирских руд" звучало совершенно иначе. У этих поэтических цитат было и скрытое значение. Читатели, получившие в руки томик альманаха "Северные цветы на 1827 год", где было напечатано стихотворение "19 октября", не могли знать, чьи слова вложил Пушкин в уста своему другу моряку - это было понятно лишь лицейстам. Не публиковавшееся при жизни послание "В Сибирь" обошло всю декабристскую каторгу и известно было далеко за ее пределами, но "вкус" строки о "гордом терпенье" был до конца понятен только лицейстам - в частности Пушкину и узнавшему стихотворение значительно позже Кюхельбекеру.

Так Лицей становился в сознании Пушкина идеальным царством дружбы, а лицейские друзья -, идеальной аудиторией его поэзии.

Все мемуаристы единодушны в описании и оценке огромного впечатления, которое произвели на Лицей и лицеистов события 1812 года. Сошлемся снова на Пушкина: "Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготавлилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея" Впечатления этих лет, конечно, определили гражданский пафос и раннее свободолюбие многих лицеистов, включая и Пушкина. Однако события действовали на молодые умы еще в одном отношении: История со страниц учебников сама явилась на лицейский порог. Для того чтобы обессмертить свое имя и передать его потомкам, уже не нужно было родиться в баснословные времена или принадлежать к семье коронованных особ. Не только "муж судеб", сын мелкого корсиканского дворянина Наполеон Бонапарте, сделавшийся императором Франции и перекраивавший карту Европы, но и любой из молодых гвардейских офицеров, проходивших мимо ворот Лицея, чтобы пасть под Бородино, Лейпцигом или на высотах Монмартра, был "человеком истории". В одном из своих последних стихотворений (на 19 октября 1836 г.) Пушкин писал:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас (Ш, 432)

Сдержанная стилистика зрелого Пушкина чужда поэтических украшений. "Завидуя тому, кто умирать / Шел мимо нас" - не риторическая фигура, а точное описание психологических переживаний лицеистов. Героическая смерть, переходящая в историческое бессмертие, не казалась страшной - она была прекрасна. Тем сильнее переживалась обида, нанесенная возрастом.

Л. Н. Толстой глубоко передал эти переживания словами Пети Ростова в "Войне и мире": "все равно я не могу ничему учиться теперь, когда - Петя остановился, покраснел до поту и проговорил-таки: - когда отечество в опасности".

Поэзия была ответом на все. Она становилась оправданием в собственных глазах и обещанием бессмертия. Именно бессмертия - такова была единственная мерка, которой мерилось достоинство стихов в пушкинском кружке. Пушкину было шестнадцать лет, когда Державин рукоположил его в поэты, а Дельвиг в сентябрьском номере "Российского музеума" за 1815 г. приветствовал его - автора всего лишь нескольких опубликованных стихотворений - стихами:

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий

Лицей заменил Пушкину детство.

Лицей был закончен - детство прошло. Началась жизнь.

Расставание с детством и вступление во "взрослую" жизнь воспринималось Пушкиным, рвущимся из Лицея, торжественно. Оно рисовалось как рукоположение в рыцарский орден Русской Литературы, клятва палладина, который отныне будет искать случая сразиться за честь своей Дамы. Для юноши, воспринимавшего рыцарскую культуру сквозь призму иронических поэм Вольтера, Ариосто и Тассо, такое "рукоположение" неизбежно выступало в двойном свете: торжественном и даже патетическом, с одной стороны, и пародийно-буффонном - с другой, причем насмешка и пафос не отменяли, а оттеняли друг друга. Пушкин в Лицее был дважды рукоположен в поэты. Первое посвящение произошло 8 января 1815 г. на переводном экзамене. Встреча Пушкина и Державина не имела в реальности того условно-символического (и уж, конечно, тем более, театрального) характера, который невольно ей приписываем мы, глядя назад и зная, что в лицейской зале в этот день встретились величайший русский поэт XVIII в., которому осталось лишь полтора года жизни, и самый великий из русских поэтов вообще.

Вторым посвящением было принятие Пушкина в "Арзамас" - неофициальное литературное общество, объединявшее молодых и задорных литераторов, которые высмеивали на своих, имевших шуточный характер, заседаниях литературных староверов. Члены "Арзамаса" были поклонниками Карамзина, к Державину, в доме которого торжественно собирались литераторы-архаисты, относились иронически. Пушкин был принят в "Арзамас" осенью 1817 г., в момент, когда это общество находилось в состоянии внутреннего разлада. Для Пушкина это принятие имело глубокий смысл: его принадлежность к литературе получила общественное признание. Зачисление в боевую дружину молодых литераторов - романтиков, насмешников, гонителей "века минувшего" - подвело черту под периодом детства и годами учения. Он почувствовал себя допущенным в круг поэтов общепризнанных.